

1973

année Molière Год Мольера

«САМОИ, на мой взгляд, прекрасной жизнью живут те люди, которые равняются по общечеловеческой мерке, в духе разума, но без всяких чудес и необычайностей».

Жизнь Мольера на первый взгляд соответствует этому афоризму Монтеня. Но это только видимость. Жизнь Мольера гармонична лишь своим единством, своей общей линией, делающей с годами все отчетливее. Однако по своей сути мольеровская жизнь необычна, идет вразрез с условностями, она совершенно исключительна. Растущая, потом всезахватывающая любовь к искусству очень быстро, совсем рано определяет окончательно эту жизнь. Редкое мужество, которое можно спутать с упрямством, поддерживает ее. Но больше всего эта жизнь поражает величием чувств. У Мольера нет ничего низкого; все у него от благородного сердца, которое заставляет его чувствовать себя равней государям, его поведение отличается не сервильностью, а учтивость «честного человека», в дружбе и делах он проявляет подлинную прямоту.

Маленький обойщик родился с царским сердцем. Он — обыкновенный ребенок, он видит кузнеца, стукающего по наковальне, скрипичного мастера, развешивающего новые прекрасные скрипки, кондитера, обсахаривающего печенье; он бегает, прыгает, смеется, спорит и дерется со своими товарищами — тоже сыновьями торговцев, будущими «парижскими буржуа». И все-таки что-то, неуловимый пустяк делает его отличным от них. Иногда он странно смотрит на какого-нибудь украшенного перьями вельможу, громко разговаривающего в отцовской лавке, на какую-нибудь уличную сценку. Он все чувствует острее и живее. Он носит в себе зародыши гения, конечно, еще этого не зная. Подрастая, он испытывает смутные стремления, его не удовлетворяет его положение, он выдумывает себе мир, в котором он придает себе по своему желанию масштабы, какими он не обладает, что-то тайно, трудно зарождается в нем.

Самое его пылкое желание — стать кем-то значительным, отличиться, оставить след. И мы видим, как он вдруг бросается в неведомый мир театра. Молодой буржуа покидает очень комфортабельную и в целом благоустроенную среду, чтобы отправиться на поиски приключений. Одним махом он ставит себя вне общества, ибо актеры в те времена приравниваются к людям дурной жизни, еретикам и мошенникам. Почему он избрал театр? Он ведь мог сделать чиновничью или армейскую карьеру: многие офицеры короля были разночинцами. Но единственно театр был на высоте его мечтаний. Он давал ему непрерывность обновления, необходимую его беспокойной и нетерпеливой натуре. Облачаясь в тунику и возлагая на свою голову лавровый венок Цезаря, он становился Цезарем. Его жизнь сразу же приобретала несравненные насыщенности и блеск. Но сквозило, при помощи этих исключительных мгновений,

он постигал свой еще дремавший гений. Отсюда его энтузиазм, его радость, его упорство.

Его первые комедии близки фарсу. Но что же такое комедия, если не фарс, обладающий стилем? Мольер принес именно стиль (в диалогах и композиции). Под его пером комедия становится произведением литературы, однако при этом — и здесь главное — она не теряет ни одного из своих сценических качеств; она сделана, чтобы быть сыгранной, прежде чем ее прочтут; очень важно, следовательно, чтобы она подчинялась определенным правилам, которые не являются правилами литературы, покорялась требованиям

мительной дерзостью. Его пристальный взгляд не отворачивается от зрелища мира, а все больше и больше погружается в зеркало, где он тщательно рассматривает свой собственный облик. Все больше и больше Мольер черпает в себе самом богатства, которые он перерабатывает для воспитания и развлечения публики. Он не только является «социально ответственным» писателем, но и отдает нам всю свою физическую и духовную жизнь.

Все, что искажает и угнетает человека, задевает и ранит Мольера. Это все, по мнению Мольера, есть огромная и многообразная глупость, пошлость, наглая и претенциозная. Мода тира-

не, что он — другой, одинокий, раздираемый между чарами, которые еще оказывает на него общество, и желанием одиночества.

Мольер беспрестанно показывает смехотворность тех, кто не как все и чьи поступки в глазах воспитанных людей похожи на неприличные. Но ведет он себя, как один из них. В эпоху, когда все равняется на образцы и примеры, совокупность которых формирует вкус, Мольер никому не подражает и поступает так, как хочет. Писатели его времени заимствуют у древних свои темы и символы; он же отворачивается от древних, считаясь только с современниками. Единственный приемлемый для

кость человеческой жизни, трагизм смеха, предшествующий прыжку в вечность, вдруг, не желая этого или желая наполовину, он бросил в лицо публике. Эта смерть не только финал одной жизни, эта смерть полностью раскрывает ее значение.

Отныне слово имеет его творчество, которое не переставало заявлять о себе, каждое поколение принимает его на свой счет, переживает, сталкиваясь с ним, новое удивление, открывает в нем новые богатства. Мольер и сегодня с нами! Его язык не устарел, потому что всегда был простым, ясным и естественным, лишенным искусственности и глупых метафор. Его герои — а их более трехсот пятидесяти — остаются нам близки, несмотря на украшавшие их перья и кружева: ведь большинство из них лишь случайно принадлежат XVII веку; они суть вечные характеры. Их можно одевать как угодно: крупнейшие режиссеры пытались делать это. Можно заставить их играть в «тройке», в сюрреалистических абстрактных декорациях или же вообще без декораций. Сила Мольера сохраняется даже тогда, когда себе позволяют несколько смазывать его текст, даже искажать его замыслы. Политические группировки, идеологии, правительства, университетские профессора, историки, драматурги и даже романисты могут присваивать его себе, заставляя говорить то, чего он не говорил, приписывать ему свои собственные намерения, прославлять или унижать его, — ничто ему не вредит. Он остается таким, каким его описал Гёте:

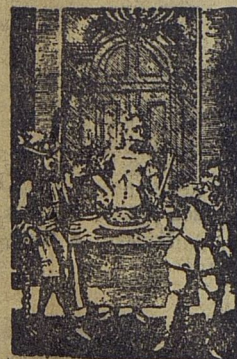
«Какой чистый! Да, чистый человек, вот подходящий для него слово. В нем нет ничего ложного, ничего искаженного, и какое при этом величие!»

Долгое время думали, что Мольер настолько типично французский писатель, что он может быть понастоящему понят только публикой его родины. Но его играют с равным успехом в Мексике и Бразилии, в СССР и Японии. Его пьесы играли даже в бурных, и они от этого ничуть не пострадали. Универсальность — это камень преткновения, когда жандеш постигает великих творцов. У Мольера, похоже, она объясняется тремя причинами: он смешит, освобождая своим комическим гением людей от того мира, в котором каждый из них замкнут; в то же время он делает более ясными вечные ценности человечества и саму жизнь с ее великими и смешными сторонами; он дает уроки скромности; наконец, его создания во все не являются ни горящими призраками, ни ходячими идеями, они буквально обжигают подмостки, настолько силен оживляющий их дух. Но если мольеровские герои кажутся столь живыми, так это потому, что он вскормил их собственной жизнью. Сверх гения, страсти, смелости и терпения существует еще дар отдавать себя людям, в котором секрет всего. Так что в зеркале мольеровских комедий мы всегда видим лицо Мольера.

Перевел с французского
Л. ТОКАРЕВ

Жорж БОРДОНОВ,
французский писатель

ДЕРЗНОВЕННЫЙ

Сцена из «Дон-Жуана»

театральной техники. Отсюда вытекает, что отдельные пассажи комедий Мольера весьма скучны в чтении, но великолепны в свете рампы.

Однако для того, чтобы комедия смогла с литературной точки зрения возвыситься до уровня трагедии, ей нужно было выйти из нескольких узких и по необходимости дробных рамок сатиры на общество, ей надо было и расширить, и углубить свое поле действия. А что же такое трагедия? Изображение характера, который, будучи поставлен перед дилеммой, победит или погибнет; и также вечная борьба человека против судьбы древних. Мольер, стремящийся — сознательно или нет — уравнивать комедию с трагедией, покоряющийся в действительности своему упорному, по сути трагическому призванию, также рисует характеры, он их будет ставить перед дилеммами, которые, выглядя комическими, не делаются от этого менее тягостными и драматическими; и он тоже будет подчинять их року.

Единственное отличие в том, что судьба у Мольера — это не судьба богов, которая почти всегда беспечна, а значит, несколько искусственна; он очеловечивает судьбу. Судьба, подстерегающая его персонажей, точно так же неумолима, но она не приходит откуда-то извне; герои Мольера носят ее в себе. У Мольера судьбой зовется неизмеримая глупость людей. Вот почему «Тартюф», «Дон-Жуан», «Мизантроп», «Скупой», «Жорж Данден» почти постоянно соприкасаются с трагедией и открывают горизонты, которых не было у традиционной комедии. И доходя до конца этого сходства трагедии и комедии, Мольер атаковал предвзятые идеи и течения мысли с редкой смелостью и изу-

нит и развращает человека. Как и ложная религиозность. Как и глупые придворные блондинчики. Как и страшные врачи с набитыми греческими словами головами, где нет никаких полезных познаний. Как и пороки, поддерживаемые развращенным обществом, и т. д.

Мольер не перестает жаловаться на горькое одиночество человека в семье и обществе и, еще больше, на свое личное одиночество, то есть одиночество гения перед лицом непонимания, систематической клеветы, всемогущей глупости. То, что он превращает во взрывы смеха свои самые сокровенные страдания, усиливает этот тезис. Мольер — слишком гордый, слишком честный человек, чтобы жалеть себя. Он ищет, как сделать человека счастливее, и показывает, в чем и почему люди несчастливы. Общество, о котором он мечтает, не есть общество, где он борется, к которому он с трудом приспосабливается. Это общество, где будет воздана справедливость Альцесту, без того, чтобы ему пришлось искать каких-либо таинственных покровителей или давать взятки, чтобы добиться своего права; общество, где он будет любим, потому что женщины смогут отличать подлинные заслуги и глубинную чувствительность; такое, наконец, общество, где его мизантропия не покажется смешной, ибо ему не нужно будет быть мизантропом. Он будет похож на всех. По правде говоря, Мольер несколько напрасно пытался сделать мизантропа смешным; хорошо ощущается, что этот персонаж слишком глубоко задевал Мольера, и даже то, что автор отождествлял себя с ним. У Мольера в той же мере, как и у Альцеста, была горькая уверенность, что он стоит в сторо-

него образец — это природа.

Чем дальше он идет вперед, тем больше его язык удаляется от употребляемых искусствностей и условностей, подражая все более глубоко исследуемым реальностям. Ему удается обрисовывать своих персонажей несколькими чертами, но такими верными, что они позволяют схватить существенное, превосходно определяют психологию мольеровских героев. Его искусство до такой степени захватило его, что он уже более не принадлежит самому себе, забывает о своих потаенных горестях, плохом здоровье, профессиональных трудностях, несправедливости равных себе и зависти своих противников.

Наконец приходит время, когда он осознает значение своего творчества и у него проявляется самое благородное и волнующее удовлетворение — удовлетворение ремесленника, считающего почти завершенной свою работу и чья удача превзошла его надежды. Он знает, что его жизнь больше не имеет значения, потому что его творчество переживет время и потомство признает его величие, с которым пока еще не все согласны. И он также знает, чисто инстинктивно, что отныне его смерть почти необходима его творчеству.

Он достигает такой степени отрешенности, что из наблюдения за своим страдающим телом делает комедию «Мнимый больной». Но последней пьесой Мольера стала его смерть. В ней он достиг возвышенного. Когда 17 февраля 1673 года театральная маска упала с его лица, Мольер доказал, что «первый шутник» Франции может также быть Мольером, человеком. Все, о чем он до сих пор умалчивал из скромности, то есть круп-